Научная статья
УДК 316.346.32
doi: 10.17223/1998863X/69/15

ДЕТСКИЕ СТРАХИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНСТРУКТ: ОБРАЩЕНИЕ К ЦЕЛИТЕЛЯМ В АРМЕНИИ

Амалия Арменовна Пртавян

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
adf2@yandex.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению детского страха в армянском обществе. Наше исследование основывается на нарративном анализе интервью. Проанализировав интервью, мы пришли к выводу, что фокус на детском страхе в армянском обществе сконструирован традицией, а сами клиенты целителей, вспоминая свой детский опыт, противопоставляют себя этой традиции.

Ключевые слова: ценности выживания, народная медицина, нарративная идентичность

Для цитирования: Пртавян А.А. Детские страхи как социокультурный конструкт: обращение к целителям в Армении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 142–151. doi: 10.17223/1998863X/69/15

Original article

CHILDREN'S FEARS AS A SOCIOCULTURAL CONSTRUCT: AN APPEAL TO HEALERS IN ARMENIA

Amaliia A. Prtavian

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
adf2@yandex.ru*

Abstract. This article explores the importance given to children's fear and the rules and customs around it in Armenian society. The study is based on a narrative analysis of interviews which allowed identifying the reasons why parents make a decision about the need for a healing practice to relieve fear. Also, based on interview analysis, the reactions of the informants who recalled their experience of visiting a healer in their childhood have been collected. Recalling their childhood experience, the informants re-construct their identity and oppose themselves to the cultural tradition that is accepted in Armenia and that made it possible to conduct a healing ritual. One of the forms of healing practices in Armenia is the practice of "removing fear", which is often mentioned by the informants. The research literature states that the significance of fear is constantly shaped by cultural and historical factors. There is some cultural "prescription" indicating how to act in the face of danger. The cultural script adopted in Armenia encourages parents to turn to healers with a request to remove fear. So, fear is a social construct of society and tradition. Culture and tradition in society indicate us what we should fear. Based on the interviews, the author highlights the main motives for parents to decide to work with children's fears by healing. However, it can be seen from the interviews that quite often children do not have a request to be taken to remove their fear(s) or they are too small and cannot articulate the request by themselves. Parents interpret the child's behavior themselves as the presence of a fear and decide that this fear needs to be "removed" because otherwise it can cause serious problems with health. "Problems" means both psychological and physiological diseases, because it is believed that

fear destroys the body. Thus, parents try to prevent more serious consequences. This study suggests that the significance given to childhood fear is constructed by tradition. The social construction of fear is influenced by survival values and traditional values, as well as the belief that fear puts the child at risk for a dangerous disease.

Keywords: survival values, traditional medicine, narrative identity

For citation: Prtavian, A.A. (2022) Children's fears as a sociocultural construct: an appeal to healers in Armenia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 142–151. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/69/15

Введение

В 1991 г. после распада Советского Союза Армения объявила о независимости, начался ее путь к демократии и свободной рыночной экономике. На момент распада Советского Союза и по настоящее время Армения находится на шкале ценностей выживания¹, при которых в приоритете – безопасность и экономическая стабильность, семейные ценности, религия, традиция и подчинение власти. Ценности выживания, а не самовыражения, характерны в целом для постсоветского пространства [1. P. 215]. Для Армении как для страны с переходной экономикой характерны такие проблемы с доступностью медицины, как сосредоточенность хороших профессионалов в столице и их нехватка на периферии, скудное финансирование, недостаток врачей общей практики, отсутствие медико-экономических стандартов и трудности с повышением классификации [2. С. 42–43]. Недоступность формальной медицины может спровоцировать спрос на народную медицину [3. P. 2]. Спрос на целительские практики может быть связан не только с недоступностью официальной медицины, но и с ослаблением государственной цензуры [4. Т. 9. С. 164] и неудовлетворенностью пациентами характером общения с медиками в государственных поликлиниках и больницах [5]. Традиционное целительство предлагает холистический подход [6. P. 47; 7. P. 153]. Если один аспект жизни человека выходит из равновесия, это может привести к физическим, психологическим, духовным или поведенческим проблемам [7. P. 161]. Магия и целительство – это альтернативная целостная форма познания, к которой невозможно подступиться с помощью логики и анализа [6. P. 49], т.е. значительный акцент делается не на рациональном познании механизмов работы практик, а на вере.

Одной из форм целительства в Армении является практика снятия страха, которая часто упоминается информантами. Считается, что значимость страха постоянно формируется культурными и историческими факторами [8. P. 234]. Есть некоторый культурный сценарий, указывающий на то, как действовать в условиях угрозы безопасности [Ibid. P. 232]. Культурный сценарий, принятый в Армении, побуждает родителей обращаться к целителям с просьбой снять страх. Сегодня многие рассматривают сам акт страха как угрозу саму по себе [Ibid. P. 234]. Страх является социальным конструктом общества и традиции. На то, чего именно бояться, указывают культурные факторы, принятые в той или иной традиции.

¹ Данные по WVS Wave 6 (World Values Survey Wave 6). Armenia, 2011. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>

Данная статья посвящена изучению значения, придаваемого страху и правилам и обычаям вокруг него. Наше исследование основывается на нарративном анализе интервью, по результатам которого были выделены причины, по которым родители принимают решение о необходимости целительской практики снятия страха, а также выделены реакции информантов, вспоминая о своем опыте посещения целителя в детстве. Вспоминая свой детский опыт, информанты заново конструируют свою идентичность, противопоставляя себя той культурной традиции, которая принята в Армении и сделала возможным проведение целительского ритуала.

Гипотеза данного исследования состоит в том, что внимание к детскому страху в Армении обусловлено культурной традицией этой страны. Страх социально сконструирован и поощряется традицией. При этом выросшие информанты противопоставляют себя этой традиции.

Страх перед страхом

Информантами считается, что страх нельзя игнорировать, его нужно снимать, потому что «он оставляет след внутри человека, делает его слабым, разрушает тело». В практиках, связанных со снятием страха, обычно, хотя и не всегда, участвуют дети. Родители, почувствовав, что их ребенок испытывает страх, стараются пресечь более серьезное развитие событий. Нарративный анализ позволил выделить основные причины, по которым родители или старшие родственники считают, что необходимо отвести ребенка снимать страх.

Первой является объективная причина. Так, информантка рассказала о том, как ее маленький племянник стал свидетелем ограбления:

Это был 1981 г. Значит, страх в чем заключался. Он жил в Пятигорске у бабушки. Вот ночью к ним залезли бандиты, воры и просили выложить сразу, дать все драгоценности, какие есть. Бабушка, естественно, отказывалась, у них нет ничего такого, богатства. И они ребенка на руки и приложили вот так нож к горлу и сказали: «Не дашь – убьем ребенка». Ну, естественно, ребенок испугался, он стал от страха это было или от чего, я не знаю, вполне здоровый ребенок, у него, стоило температуре немножко подниматься, как начинал он глотать язык. И было два-три случая, не будь вот, скажем, кого-то рядом, ребенок мог бы умереть [Интервью 1].

Травматичное событие нанесло вред ребенку, с которым врачи справиться не смогли, и целительская практика стала последней надеждой:

[мать ребенка] чтобы избавить ребенка от этой напасти, пошла бы на все. Лечили его, не проходило. Мы никогда с такими вещами не сталкивались, не ходили. Я даже, честно говоря, не верила. Водитель моего брата, отца ребенка, сказал, что в Ошакане¹ живет женщина, которая снимает страх [Интервью 1].

Интервью 2 так же демонстрирует роль объективной причины в появлении страха:

Насчет страха – дочь была маленькая, собака напугала, понятно, что стресс. Чтобы ничего дальше не произошло, не было других проявлений, было сделано [Интервью 2].

¹ Село, Арагатцонская область, Армения.

В данных случаях дети не просили родителей отводить их снимать страх и не говорили о том, что им было страшно. Но травматичное событие, такое как ограбление или нападение большой собаки, не может не напугать ребенка.

Вторая причина, по которой родители отводят детей снимать страх, – это интерпретация детского поведения как того, что ребенок чего-то испугался. Наличие страха родителями замечается в поведенческих проблемах – «ребенок нервничал, тревожился, был непослушным»:

Он [сын-подросток после ограбления] был... стал нервным каким-то, я чувствовала, что он опять еще чего-то боится.... Он вообще был нервный, дерганый. Он понимал, что по его вине мы потеряли деньги, все такое. Но на все это было нам наплевать, главное, что он жив остался [Интервью 2].

Непослушное поведение детей или подростковая раздражительность заставляют родителей считать, что что-то не так по причине страха; страх – это когда ребенок становится капризным и непослушным:

– ...что такое страх, который снимают? Что, если не снять страх?
– говорят, что, если у ребенка не снять страх... ну вот часто бывает, что ребенок становится капризным, тревожным, плаксивым, непослушным. И то одно болит, то другое. И говорят, может он чего-то испугался. Испуг может быть у него от звука, от громкого взрыва, салюта, сна. Ребенок маленький, он не может рассказать [Интервью 3].

На наличие страха также может указывать болезнь ребенка:

Ну, так получилось, что дети, когда были маленькие, в один период начали болеть. Мне сказали, посоветовали, что, наверное, от страха... вот, ну, действительно, ходили за мной хвостиком, напуганы были [Интервью 3].

Болезнь ребенка интерпретируется родителями как наличие страха. При этом, как правило, на это родителям указывает кто-то другой (целитель или соседи).

Четвертая причина, по которой родители решают, что нужно избавить ребенка от страха, состоит в том, что ритуал во всяком случае не навредит. Это не сознательный выбор, а то, к чему вынуждают окружение и сложившаяся культура. Так, информантка водила старшего сына снимать страх. Она считает, что он испугался врачей в больнице:

Ему, когда было 2 года [2017 год], должны были сделать операцию на пальчике, было что-то с сухожилием. Больница старая, советская, врачи такие же [г. Ереван]. Меня не пустили в операционную, сын кричал от страха, а вокруг него только врачи в белых халатах. Я стояла, слышала, как он кричит от страха, и ничего не могла сделать. Какие-то бесчувственные врачи, как в советское время [Интервью 4].

Информантка демонстрирует недовольство врачами потому, что они не пустили ее в операционную, напугали сына, а больница была старой и советской. Информантка сделала вывод, что врачи напугали ребенка, тем не менее, вести сына к целителю работать со страхом было не ее решением, а решением матери. Снять страх было решено «на всякий случай», информантка отмечает, что она сама не особо верит в целителей, и на посещении настояла ее мама, с которой она не стала спорить:

Я не особо верю, но мама настаивала, что надо. Так традиционно укрепились, что если ребенок чего-то испугался, его надо отвести к целителю снимать страх [Интервью 4].

Саму информантку тоже водили снимать страх «на всякий случай», после стрессового события. Точно так же ее родители «решили, что надо отвести нас с сестрой снять страх».

Скептически относившаяся к целительству, информантка прокомментировала реакцию ребенка на ритуал как положительную, в отличие от посещения врача:

– *Как ребенок себя чувствовал, когда снимали страх?*

– *Спокойно. Это же не какие-то врачи в белых халатах* [Интервью 4].

Посещение целителя в данном случае – это, скорее, дань традиции, потому что «все так делают», но главным образом еще и потому, что «от этого точно не станет хуже».

В исследовательской литературе страх понимается как универсальное человеческое чувство, связанное с мыслью о возможном риске [9. Р. 10]. Риск представляет собой возможность неприятностей или травм, чего-то неприятного или нежелательного, что может произойти; он подразумевает ситуацию, связанную с подверганием опасности [Ibid.]. Мэри Дуглас была первой, кто исследовал риск как социальную или культурную конструкцию и восприятие риска как социального процесса [Ibid. Р. 11]. При этом, утверждение о том, что риски социально сконструированы, не означает, что рисков не существует. Риски действительно существуют, но их восприятие социально сконструировано, и человек будет реагировать на это сконструированное восприятие риска [Ibid. Р. 12]. Каждая группа выбирает, на каком типе риска сосредоточиться, а какой опустить, каждая группа имеет свой собственный набор рисков, которые необходимо учитывать [Ibid. Р. 13]. Система ценностей заставляет людей сосредотачиваться на определенных рисках или, наоборот, игнорировать их. В свою очередь, страх приводит к поиску безопасности любыми средствами [Ibid.]. Риск, о котором говорят наши информанты, отводящие детей снимать страх, заключается в том, что детский страх может вызвать более серьезные проблемы. Пристальное внимание к детскому страху и необходимость от него избавиться любыми способами объясняется информантами тем, что «страх оставляет след»:

Страх делает человека слабым. Я помню, мама мало ела, худела, ей было плохо, ее отвели снять страх и все прошло [Интервью 5].

Ослабив человека, страх может стать причиной болезни:

Если не помочь душе избавиться от страха, то он начнет вредить телу, появятся болезни. Снятие страха помогает вылечить тело через душу [Интервью 6].

Снятие страха воспринимается как ритуал, который если не поможет, то во всяком случае не навредит. Информанты отмечают традиционность решения обращения к целителю – «В Армении нет ни одной семьи, в которой не обращались бы к целителям. Панацея от всех бед». Проанализировав интервью, мы выделили четыре причины, по которым родители считают необходимым избавить ребенка от страха:

Объективная причина (травмирующее событие).

Поведенческая проблема (ребенок раздражительный и непослушный).

Физическая слабость («часто болел»).

Дань традиции («я в это не верю, но всех водили, и я отвела ребенка, хуже не станет»).

Страх, таким образом, является чем-то, от чего человек не всегда может избавиться самостоятельно. Страх может повлиять на дальнейшую жизнь; страх – это аспект человеческой жизни, который выводит его из равновесия, что, в свою очередь, может привести к физическим, психологическим, духовным или поведенческим проблемам [7. Р. 158]. Кроме того, сам уровень внимания к детскому страху говорит о некоторой культурно-сконструированной традиции, указывающей, чего именно опасаться и как избавляться от риска. «Культурный сценарий» [8. Р. 232] указывает на риск серьезного заболевания и необходимость отвести ребенка вылечить страх.

Ответом на вопрос о пристальном внимании к страху в армянском обществе могут быть ценности выживания. Армения находится на шкале выживания с момента распада Советского Союза и по настоящее время. Информанты рассказывают об общей тревожности в стране:

– ...в каком году вы детей водили, и что тогда происходило в стране?
 – я сейчас скажу... это был 93 год. Младшей не было года, старшей было полтора-два. Осень девяносто третьего. В стране война началась, шла война в Арцахе. У нас не было света, не было газа, ну темные, темные годы. С девяносто первого года все началось. А в девяносто третьем, не помню летом или осенью, тепло было, мы пошли, начало осени. Это и тогда было популярно и сейчас, мы тогда жили в Харберде, я тогда никого не знала. Я не связывала все с ситуацией в стране, в Армении было тихо там, где мы были. Тревожность общая была [Интервью 3].

Реакция детей и нарративная идентичность

Дети автоматически являются уязвимой группой [Ibid. Р. 234]. Они не могут принимать решений сами, за них решают родители, в том числе, родители решают, как избавить ребенка от страха. Вероятно, можно говорить об идентичности уязвимости [Ibid. Р. 235]. Проанализировав интервью с теми, кого водили снимать страх, можно выделить реакции информантов на ритуал и последующее конструирование своей идентичности, которая строится на противопоставлении себя традиции, принятой в обществе. Довольно характерным является то, что клиенту целителя кто-то другой указывает на страх:

Я была мелкая. И меня укусила собака. И я не знаю, почему все решили. Ну, я не помню, чтобы я испугалась собаки, мне наоборот, было ее жалко. Ну, короче, все решили, что я испугалась и водили меня снимать страх [Интервью 7].

Те, кто решил, что информантке нужно снимать страх это, – «бабушка, родители и еще куча народу». Решение было принято по объективной причине – большая собака не могла не напугать ребенка. Вспоминая об опыте ритуала, информантка отмечает свое негативное отношение:

Ну, я помню, что мне не понравилось, что мы поднимались туда, в эти горы. Мне вообще показалось, что мне это было не очень нужно, и вся эта история со страхом мне тоже не очень нравилась. Я не думала, что у меня этот страх уведут унесут, короче. Ничего хорошего я не чувствовала [Интервью 7].

При этом отмечается, что после ритуала «бабушка точно успокоилась», но сама информантка «ничего хорошего не чувствовала». Если данная ин-

формантка не помнит, чтобы ей было страшно, другая отмечает перманентное ощущение страха:

Честно говоря, тогда я была очень маленьким ребенком и у меня всегда были какие-то страхи, у моей сестры, у моего брата в том числе. Не знаю, за счет чего, но они всегда шагали вместе с нами, и я помню одного человека, скажем так, и в каком-то смысле, наверное, она была неким авторитетом в этом селе, потому что ее все знали, и я помню даже ее имя. И я помню, что как-то мне было страшно спать, и меня привезли к ней, и она, я помню, держала меня очень, и я помню, что я как-то попыталась руки обратно к себе тянуть, и она не давала мне это делать, и от этого мне стало все страшнее и страшнее. Это не то что она помогла мне избавиться от каких-то страхов, а наоборот, это очень давило на меня. Она так прямо смотрела мне в глаза и, наверное, что-то хотела прочитать или что-то там другое, но все-таки я была маленьким ребенком и на самом деле это было очень репрессивно что ли. Я не чувствовала себя от этого очень хорошо [Интервью 8].

Информантка говорила о том, что во время целительства ей было еще страшнее, ее напугали целительница и ее методы. Вспоминая о своем опыте, она отмечает его репрессивность, а детский страх, который, по ее словам, ее преследовал, рассматривает как что-то естественное:

Я думаю, что это естественно. Я точно помню, что мы не то что говорили, что нам страшно, нас просто брали и везли туда [Интервью 8].

Решающую роль в принятии решения о том, отводить ли детей к народным целителям, играют родители и старшие родственники, в частности, бабушка. Рассказывая о своей бабушке, информантка противопоставляет себя ей и традиции и называет народное целительство суеверием:

Но прикольно то, что бабушка всегда верила этому и бабушка, мы это воспринимаем это как суеверие. Она очень верующий человек и в своей комнате у нее всегда было маленькое место, где она всегда клала свечи и т.д., даже если не ходить в церковь, у нее с собой была такая маленькая церковь. Но она очень долго время и до сих пор верит этому [целительству]. Но в связи с тем, что она сейчас находится в Голландии, мы таких процедур больше не испытываем на себе [Интервью 8].

Говоря о целительстве, информантка отмечает, что «естественно, никакого прогресса не было». Она противопоставляет себя старшим родственникам в семье и показывает свое отношение к практике, через которую, по словам информантов, проходит практически каждый ребенок в Армении, так как это своего рода традиция, как резко негативное.

Информант, которого подростком водили снимать страх, также отвечает, что в проведении ритуала не было смысла:

...ну, мне было шестнадцать, когда нас ограбили [1977 год]. Потом моя мама решила, что надо с меня снять страх. Как всегда, не спросила, хочу я, не хочу. Сосед взял за шкуру и повел к какой-то женщине. Естественно, я был очень недоволен. Этого страха не было. Я не чувствовал, что меня что-то напугало. Я был категорически против этого [Интервью 3].

Даже если информанты транслируют перманентное состояние страха – «страх шагал с нами» – впоследствии отмечается, что на самом деле он был против того, чтобы его подвергали процедуре снятия страха. Те, кого отводят снимать страх, всегда пассивны. Они или соглашаются, так как это традиция,

или слишком маленькие, чтобы протестовать. Но впоследствии, вспоминая об опыте снятия страха, они говорят о том, что «не верили в это», «это было неприятно», «мне это не было нужно». Здесь можно говорить о том, что нарративная идентичность противопоставления себя традиции конструируется через дискомфорт.

Другой вид отношения к ритуалу, который мы выделили из интервью, демонстрирует принятие традиции и веру в то, что практика снятия страха поможет:

– ...да, у меня удаляли страх. Свечой, да. Я так боялась... я не знаю, чего я боялась, но я очень-очень боялась, не могла спать. Паническое состояние было. И меня взяли к одной пожилой даме. У нее там был тазик с холодной водой, влила туда воск, я не помню, но помню, что она взяла в рот воду и плюнула мне в лицо. Я тогда испугалась, точнее, она застала меня врасплох. Но. После этого мой страх полностью прошел. Я уже могла оставаться одна, уже спала, больше не было проблем. Вообще уже не боялась. Не знаю, плацебо это или что, но могу сказать, что прошло после этого.

– Я правильно понимаю, что это первое же, что Вы сделали, и сразу помогло?

– Да. Ну я сейчас думаю, я не могу найти объяснение этому, но получилось, что помогло. Многим помогло. Но сейчас есть и другие методы. Я думаю, что когда нет объяснения, то может и поможет. Когда мы понимаем структуру и знаем, как она работает, мы можем сомневаться, поможет или нет. А тут какая-то магия, она более... подходит более к бессознательному [Интервью 9].

Залогом успеха здесь считается вера в то, что ритуал поможет, а само решение родителей отвести информантку снимать страх она принимает как правильное, даже несмотря на то, что в какой-то момент во время ритуала ей было страшно. Таким образом, мы наблюдаем реакцию, которая описывается через дискомфорт и неприятие ритуала, а также реакцию принятия и одобрения решения родителей отвести к целителю. Основываясь на своих ценностях и вере в то, что целитель поможет, родители информантки сразу отвели ее к целительнице, которая смогла помочь с первого же сеанса.

Выводы

Основываясь на интервью, можно выделить основные мотивы, по которым родители принимают решение работать с детским страхом с помощью целительства, однако из интервью видно, что довольно часто у детей нет запроса на то, чтобы их отвели снять страх, либо они слишком маленькие и не могут сами его артикулировать. Родители сами интерпретируют поведение ребенка как наличие страха, который нужно снять, чтобы не начались более серьезные проблемы. Под проблемами подразумеваются как психологические, так и физиологические заболевания, так как считают, что страх уничтожает тело, и пытаются превентивно преодолеть более серьезные последствия.

Наше исследование позволяет предположить, что значение, придаваемое детскому страху, сконструированно традицией. На социальное конструирование страха влияют ценности выживания и традиционные ценности, также вера в то, что страх вызывает риск возникновения у ребенка опасной болезни.

Список информантов

- Интервью 1. Д., жен., 80 лет, г. Москва.
Интервью 2. М., жен., ок. 60 лет, г. Москва.
Интервью 3. А, муж., 61 год.; С. жен., 57 лет, г. Ереван.
Интервью 4. Н, жен., 37 лет, г. Ереван.
Интервью 5. Э. жен., 67 лет, г. Ереван.
Интервью 6. Л, жен., 57 лет, г. Ереван.
Интервью 7. А, жен., 30 лет, г. Амстердам.
Интервью 8. Д.О., жен., 25 лет, г. Аштарак.
Интервью 9. Х, жен., 40 лет, г. Гётеборг.

Список источников

1. Inglehart R. Globalization and postmodern values // *The Washington Quarterly*. 2000. 23:1. P. 215–228.
2. Авакян М.Н. и др. К вопросу о развитии телемедицины в Республике Армения // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2013. № 4 (14).
3. Stickley A., Koyanagi A., Richardson E., Roberts B., Balabanova D., McKee M. Prevalence and factors associated with the use of alternative (folk) medicine practitioners in 8 countries of the former Soviet Union // *BMC Complementary and Alternative Medicine*. 2013. 13(1). P. 1–9.
4. Григорьева О., Ярская-Смирнова Е. «Мы – часть природы...»: социальная идентификация народных целителей // *Журнал социальной антропологии*, 2006. Т. 9, № 1 (34).
5. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Социальное как иррациональное? (Диагнозы 1990 года) // Новое литературное обозрение. 2007. № 83.
6. Greenwood S. 'Wake the Flame Inside Us': Magic, Healing and the Enterprise Culture in Contemporary Britain // *Etnofoor*. 1995. № 1. P. 47–62.
7. Moodley R., Sutherland P., Oulanova O. Traditional healing, the body and mind in psychotherapy // *Counselling Psychology Quarterly*. 2008. Vol. 21, № 2. P. 153–165.
8. Furedi F. The only thing we have to fear is the 'culture of fear' itself // *American journal of sociology*. 2007. Vol. 32, № 2. P. 231–234.
9. Boscoboinik A., Horakova H. (ed.). *The anthropology of fear: Cultures beyond emotions*. Lit, 2014.

References

1. Inglehart, R. (2000) Globalization and postmodern values. *The Washington Quarterly*. 23(1). pp. 215–228.
2. Avakyan, M.N. et al. (2013) K voprosu o razvitii telemeditsiny v Respublike Armeniya [On the development of telemedicine in the Republic of Armenia]. *Meditinskoe obrazovanie i professional'noe razvitie*. 4(14).
3. Stickley, A., Koyanagi, A., Richardson, E., Roberts, B., Balabanova, D. & McKee, M. (2013) Prevalence and factors associated with the use of alternative (folk) medicine practitioners in 8 countries of the former Soviet Union. *BMC Complementary and Alternative Medicine*. 13(1). pp. 1–9.
4. Grigorieva, O. & Yarskaya-Smirnova, E. (2006) "My – chast' prirody...": sotsial'naya identifikatsiya narodnykh tseliteley ["We are part of nature...": social identification of traditional healers]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1(34).
5. Romanov, P. & Yarskaya-Smirnova, E. (2007) Sotsial'noe kak irratsional'noe? (Diagnozy 1990 goda) [Social as irrational? (Diagnosis 1990)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 83.
6. Greenwood, S. (1995) 'Wake the Flame Inside Us': Magic, Healing and the Enterprise Culture in Contemporary Britain. *Etnofoor*. 1. pp. 47–62.
7. Moodley, R., Sutherland, P. & Oulanova, O. (2008) Traditional healing, the body and mind in psychotherapy. *Counselling Psychology Quarterly*. 21(2). pp. 153–165.
9. Furedi, F. (2007) The only thing we have to fear is the 'culture of fear' itself. *American Journal of Sociology*. 32(2). pp. 231–234.
10. Boscoboinik, A. & Horakova, H. (eds) (2014) *The Anthropology of Fear: Cultures Beyond Emotions*. LIT Verlag.

Сведения об авторе:

Пртавян А.А. – аспирантка первого года в аспирантской школе по социологическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Стажер-исследователь в Международной лаборатории исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: adf2@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Prtavian A.A. – 1st year postgraduate student, research assistant at the International Laboratory for Social Integration Research, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: adf2@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.06.2022;
одобрена после рецензирования 10.09.2022; принята к публикации 27.10.2022
The article was submitted 21.06.2022;
approved after reviewing 10.09.2022; accepted for publication 27.10.2022*